

Ойкумена

**ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ
В СВЕТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Л.Н. ГУМИЛЁВА**

В.А. Шупер

*Институт географии РАН,
Российский университет дружбы народов*

Аннотация: *В статье рассматриваются значение пассионарной концепции Л.Н. Гумилева для современного евразийства. России предстоит сделать выбор модели развития — демократической или авторитарной — в крайне неблагоприятных условиях, характеризующихся усилением Китая и ослаблением Запада.*

Ключевые слова: *пассионарность, методологическая плодотворность, интеграционный цикл, дезинтеграционный цикл, чередование циклов.*

Вероятно, самой лучшей книгой о Л.Н. Гумилёве (1912—1992) останется книга его соратника и защитника С.Б. Лаврова (1928—2000) «Лев Гумилёв. Судьба и идеи»¹. В этой книге евразийская направленность творчества Л.Н. Гумилёва была показана особенно выпукло, ведь это был взгляд, основанный не только на публикациях, но и на многих откровенных дружеских беседах с их полным отсутствием внутренней цензуры. Увы, если не считать самых последних лет жизни замечательного ученого и социального мыслителя, цензура была не только внутренней, но и внешней.

Творчество Л.Н. Гумилёва вызывает разноречивые отклики и вряд ли следует считать, что это плохо. Не вызывает разногласий то, что стало банальностью или почитается чушью. Трудно представить себе острые дискуссии вокруг концепции А.Т. Фоменко через два десятилетия после кончины её автора. Между тем концепция этногенеза², которую сам создатель согласился вслед за критиками называть географо-психологической³, продолжает будоражить умы, хотя доказать ее так же трудно, как и во времена, когда она была выдвинута. Более того, её легко опровергнуть, но её сторонники вновь и вновь выстраивают защитные пояса, осознанно или стихийно вдохновляясь методологией научно-исследовательских программ

¹Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. — М.: Сварог и К, 2000. — 408+9 с.

²Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — М.: АСТ, 2010. — 512 с.

³Гумилев Л.Н. Внутренняя закономерность этногенеза (ландшафт и этнос. XIV) // Вестник Ленинградского университета. — 1973. — № 6. — С. 94—103.

И. Лакатоса (1922—1974). Этот блистательный философ науки, ученик и последователь К. Поппера (1902—1994), перенес соперничество между теориями с индивидуального на популяционный уровень. Теории не вступают в поединок, они — лидеры целых армий всевозможных теоретических утверждений, сопровождающих и защищающих их, подобно эскадре, сопровождающей авианосец. В конечном счёте, торжествуют те программы, которые оказываются наиболее плодотворными⁴. Вот где причины неустанных попыток сохранить и упрочить гумилёвскую концепцию этногенеза.

Исключительная методологическая привлекательность этой концепции связана с её естественнонаучным пафосом, с трактовкой этноса как явления энергетического. К ней, увы, можно полностью отнести критику сциентизма Ф. фон Хайеком (1899—1992) начала 50-х гг. XX в. Ещё не престарелый тогда классик либерализма убедительно показал невозможность установления для социальных явлений законов естественнонаучного типа⁵ и был, к сожалению, прав. Но разве не этим благородным стремлением вызваны к жизни и теоретическая география⁶, и, во многом, региональная наука, именуемая у нас региональной экономикой? Эти направления, как и многие другие, выросли из «социальной физики»⁷, что вовсе не свидетельствует об их порочности. Заблуждения играли и положительную роль в истории науки, поскольку в формальной логике из истинных суждений могут следовать только истинные, а из ложных — как истинные, так и ложные.

Более того, за полвека со времени теоретической революции в географии были найдены важные частные случаи, в которых можно обойти грустный для исследователей, но в целом справедливый общий принцип, сформулированный фон Хайеком. Один из таких частных случаев — это изучение явлений пространственной самоорганизации. Мы вправе надеяться и на обнаружение других частных случаев, которые, вместе с дальнейшим развитием географической теории, вдохнут новую жизнь в концепцию этногенеза. При этом частный случай не следует считать мелочью — это может быть небольшая дверца в огромный мир. В конце концов, вся органическая химия — это частный случай, но соединений одного элемента — углерода втрое больше, чем всех неорганических соединений.

Вопрос о том, в какой степени концепция этногенеза обусловлена евразийскими воззрениями её творца заслуживает отдельного историко-научного исследования. Сейчас важно отметить, что она подняла евразийство на новый уровень, существенно усилив его своим естественнонаучным пафосом, а не только историческими аргументами. В XXI в. она получает новые подкрепления, на сей раз из области экономики и политики.

Одной из наиболее парадоксальных черт современного мира, без сомнения, следует считать то удивительное обстоятельство, что мировой гегемон одновременно является и крупнейшим мировым должником. Его долг, уже превысивший годовой ВВП, постоянно растёт благодаря крупному внешнеторговому дефициту, что не может не иметь глобальных геополитических последствий, поскольку экономическая и военная мощь находятся в тесной взаимосвязи⁸. При этом доллар остаётся мировой резервной валютой, что позволяет финансировать государственный долг США за счёт всего остального мира, и заявление ФРС о

⁴Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. — М.: Академический проект; Трикста, 2008. — 475 с.

⁵Хайек Ф.А. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. — М.: ОГИ, 2003 (Серия «Библиотека Фонда «Либеральная миссия»). — 288 с.

⁶Бунге В. Теоретическая география. — М.: Прогресс, 1967. — 280 с.

⁷Шупер В.А. Развитие теоретических представлений в области пространственного анализа // Изв. РАН. Сер. Геогр. — 2011. — № 3. — С. 7—16.

⁸Брюне А., Гишар Ж.-П. Геополитика меркантилизма. Новый взгляд на мировую экономику и международные отношения. — М.: Новый хронограф, 2012. — 232 с.

сохранении процентных ставок на очень низком уровне, по крайней мере, до конца 2014 г. лучше, чем что-либо другое свидетельствует о твердом намерении идти именно этим путем.

Существует однако широко распространенное представление, основанное на всевозможных центрально-периферийных концепциях, относительно исключительной инновационности США и стран Западной Европы, которая позволит им доминировать в мире даже при сокращении экономической и военной мощи. Критика этого представления будет дана ниже, сейчас необходимо остановиться на некоторых других совершенно парадоксальных явлениях современного мира. К этим явлениям следует отнести, прежде всего, страшный откат назад во многих важнейших вопросах общественной жизни.

Начнем с пенсионного обеспечения. Если столетие назад считалось, что молодость дана человеку, чтобы обеспечить старость, то на протяжении XX в. был достигнут громадный прогресс, позволивший людям не думать о том, на что они будут жить, когда не смогут работать. Однако сейчас обе системы пенсионного обеспечения — солидарная и накопительная — трещат по всем швам. Если первая стала совершенно неадекватной в силу общеизвестных демографических изменений, то вторая — в силу еще далеко не осознанных структурных изменений в мировой экономике. «Как практикующий управляющий одного из самых больших инвестиционных портфелей в мире (более \$500 млрд.) — пишет А. Улюкаев — берусь утверждать, что сейчас нет и скорее всего уже не будет класса активов, позволяющих инвестировать объемы средств национальной накопительной пенсионной системы с приемлемым риском и такой доходностью, которая обеспечивает реализацию накопленных пенсионных прав (для современных накопительных пенсионных систем это не менее 7% годовых на длинном инвестиционном горизонте при гарантированном сохранении основного капитала)»⁹.

Не более благоприятна ситуация и в области здравоохранения, где бесплатность любой медицинской помощи становится утраченным идеалом (или завоеванием трудящихся) даже в самых «социальных» государствах. Сейчас можно рассказывать как легенду о рыцарских временах, что в Швеции в 70-е гг. больной мог полететь в США для пересадки сердца (в самой Швеции такие операции тогда еще не делались), не уплатив ни одной кроны. Население привлекается к софинансированию медицинской помощи и в ФРГ, и в других странах. Вряд ли в обозримой перспективе останется хоть одна страна с рыночной экономикой, в которой объем и качество медицинской помощи не будут зависеть от кредитоспособности пациента. Скорее всего, таких стран нет уже сейчас.

В области образования откат еще более очевиден, поскольку среднее образование в любом случае может быть либо средним, либо всеобщим. Достаточно даже поверхностного знакомства с учебниками для старших классов, чтобы убедиться, что подавляющее большинство школьников не в состоянии их осилить даже ценой героических усилий, которые к тому же совершенно не склонно прилагать. Поэтому даже в наиболее развитых странах растет число неграмотных, так в США «функционально неграмотных» 15%, в Великобритании — 13%, 20% французских солдат не могут получать приказы в письменном виде и т. п. Сходные процессы деградации охватывают и высшее образование, которое тоже постепенно превращается во всеобщее, особенно в нашей стране, идущей «вперед планеты всей» по числу студентов на 10 тыс. жит. Если в США университеты оканчивает 42% поступивших, в Великобритании — 60%, то в РФ — 94%.

В области науки наблюдается такой же откат, как и в области образования. Принятие в качестве бесспорного научного факта сугубо гипотетических утверждений о потеплении климата или распространение не выдерживающей никакой критики с научных позиций кон-

⁹Улюкаев А. Песнь пенсий // Ведомости. — 11.03.2012.

цепции устойчивого развития (во Франции есть даже Министерство устойчивого развития, хотя развитие неустойчиво по своей природе) — зримые свидетельства деградации институтов строгой профессиональной критики. Не менее зримые свидетельства упадка науки — использование заведомо абсурдных критериев оценки деятельности ученых, таких, как количество публикаций, индекс научного цитирования, импакт-индекс и другие глупости, которых еще не придумали, но обязательно придумают.

Этический фундамент науки, без которого невозможно само ее существование, описывается сформулированными в 1942 г. Р. Мертоном (1910—2003) принципами. Эти принципы таковы: универсализм (воспроизводимость результатов), коллективизм (доступность всех результатов всем членам научного сообщества), бескорыстие (ученый не должен преследовать какие-либо цели, кроме научных), организованный скептицизм (все результаты должны подвергаться серьезному критическому обсуждению в научном сообществе). Любой ученый с грустью отметит, что наука как социальный институт все дальше отходит от этих принципов. Понятно, что они даже в лучшие времена распространялись только на фундаментальную науку, меньшую и лучшую часть науки, ее сердцевину и последнее убежище.

Наши представления о научно-техническом прогрессе приблизительно верны только для периода примерно с середины XIX в. Как указывал замечательный философ М.К. Петров (1923—1987), первая промышленная революция вовсе не была *научно*-технической, поскольку все революционные изобретения — паровая машина, ткацкий станок, пароход, паровоз, электрический телеграф — были сделаны практиками-самоучками. Более того, наука и не могла вести за собой технический прогресс, поскольку сама от него отставала. Прошло более полувека со времени изобретения паровой машины, прежде чем был исследован и описан цикл Карно. По мнению Петрова, превращение науки в непосредственную производительную силу общества стало результатом второй научной революции, далеко не получившей должного отражения в общественном сознании. Если первая научная революция — создание науки Нового времени людьми, не имевшими представлений об опытном естествознании в конце XVI — начале XVII вв. была стихийной, то вторая была типичной революцией сверху.

Потерявший в результате наполеоновских войн половину территории и половину подданных король Пруссии Фридрих Вильгельм III (1770—1840) приобрел похвальную склонность к реформам. Это позволило филологу Вильгельму фон Гумбольдту (1767—1835), брату великого естествоиспытателя, осуществить беспрецедентные реформы среднего и высшего образования. Им была создана система гимназического образования, а в 1809 г. основан Берлинский университет как первый в мире университет нового типа. В нем впервые были введены поточные лекции и соответственно должности профессоров и приват-доцентов, а преподаваться стали не юриспруденция, теология и изящная словесность, а естественные, точные и технические науки. Именно эта исключительно передовая для своего времени система высшего и среднего образования была заимствована Россией. Поточная система подготовки специалистов была увенчана созданием в 1826 г. Ю. Либихом (1803—1873) лаборатории в Гисене, которая стала прообразом современных научно-исследовательских институтов, обязательно имеющих аспирантуру. Именно в этой лаборатории были созданы первые минеральные удобрения. Таким образом, к середине XIX в. сформировалась «великая триада», по Петрову, — фундаментальная наука, прикладная наука и подготовка кадров. Все элементы этой триады взаимосвязаны и взаимозависимы, а прикладная наука и высшее образование еще и тесно взаимодействуют с практикой, включая промышленность, транспорт и сельское хозяйство¹⁰.

¹⁰Петров М.К. Как создавали науку? // Природа. — 1977. — № 9. — С. 80—88; Петров М.К. Язык, знак, культура. Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Эдиториал-УРСС, 2004. — 328 с.

Результатом второй научной революции стало бурное развитие промышленности, прежде всего — машиностроения и химии, в Пруссии, затем в Германии. Это позволило выиграть франко-прусскую войну и в начале XX в. сделать страну второй экономикой в мире и первой — в Европе, серьезно потеснив дряхлеющего британского льва. Англия еще долго делала ставку на изобретателей-самоучек и высокомерно не спешила перенимать немецкий опыт, в то время как Францию поражение в войне быстро излечило от высокомерия, и ее система высшего образования была перестроена в духе идей великого В. фон Гумбольдта. Геополитические результаты второй научной революции были бездарно утрачены в результате Первой мировой войны, что стало следствием резкого снижения интеллектуального уровня внешней политики Германии после отставки О. фон Бисмарка (1815—1898) в 1890 г., такого же гиганта, как и братья Гумбольдты. Однако это не умаляет того факта, что Германия скорее превосходила в военно-техническом отношении своих противников в ходе Первой мировой войны, нежели отставала от них. А ведь всего за полвека до этой войны из Парижа и Лондона смотрели на Берлин как на совершеннейшее захолустье!

Недавнее исследование 1000 наиболее инновационных компаний мира показало, что лишь 47% среди них делают упор на технические инновации, 27% ставят во главу угла исследование рынка, а 26% — работу с клиентами. Не будем забывать, что новый флакон для духов — это тоже бесспорная инновация. Тут явно просматривается аналогия с книгой рекордов Гиннеса, в которой чудесным образом удалось поставить на одну доску самые длинные ногти и самую длительную космическую экспедицию. Нынешняя революция, которой пока трудно дать название, да и делается это обычно задним числом, может в значительной мере рассматриваться, подобно первой промышленной революции, как революция техническая, а не научно-техническая, причем с упором на социальные технологии. Только такое предположение позволяет объяснить, каким образом небывалый прогресс может вполне сочетаться с упадком фундаментальных исследований и резким снижением социального статуса науки и ученых и отнюдь не только в нашей стране.

Если на новом витке спирали мир вернулся на два столетия назад, то явно имеет смысл принести цветы на могилу В. фон Гумбольдта и вдохновиться его идеями. Этим путем решительно пошла Финляндия, дав отставку постмодернизму и создав буквально на задворках Европы лучшую на Западе систему среднего образования¹¹. Там в средней школе учат хорошо и гуманно, готова если не «креативный класс», то грамотных исполнителей, найдущих себе место на рынке труда. В высшей же школе среди студентов преобладает интерес к естественным и техническим наукам, а не к психологии, социологии и юриспруденции. Однако высокий (самый высокий) уровень университетского образования требует мощной подпитки от фундаментальной науки. Развитие последней доступно малой, пусть и высокоразвитой стране только в немногих узких направлениях. Поэтому состоятельные финны едут учиться в ведущие университеты Северной Америки и Западной Европы.

В значительно более благоприятном положении находится Китай, имеющий более чем тридцатилетний успешный опыт глубоких преобразований и располагающий огромным экономическим потенциалом. Отметим, что три с лишним десятилетия в целом успешных реформ — это огромный социальный капитал, состоящий не только в опыте, но и в важном психологическом настрое народа, в его готовности к переменам и вере в лучшее будущее. Какой разительный контраст с нашей страной! Впрочем, положение дел в ЕС и США тоже дает мало оснований для оптимизма. В этих условиях для Китая было бы самым сильным ходом не только заимствовать опыт современного Запада, что необходимо для решения теку-

¹¹Волков А. Девиз «Поколения Doob»: знание — мыло? // Знание — сила. — 2008. — № 8. — С. 4—14.

щих задач конкурентной борьбы, но обратиться к тем великим принципам и идеям, благодаря которым он добился своего величия и, отойдя от которых, сейчас угасает.

Новая научная революция как революция сверху, могла бы произойти через 20—30 лет (с учетом уплотнения исторического времени), если бы её начали серьезно готовить уже сейчас. Время необратимо, но проверенные временем великие принципы заслуживают того, чтобы ими вдохновлялись новые поколения в своей смелой созидательной работе. Уже сейчас на мировых школьных олимпиадах участники из стран Восточной и Юго-Восточной Азии доминируют на подиумах, и это доминирование свидетельствует о наличии очень серьезного потенциала.

Такое развитие великого соседа было бы громадным благом и для нашей страны, которая уже третье десятилетие бездарно мечется в поисках то самой себя, то потерянного времени, то достойного места в мире, не имея при этом хоть сколько-нибудь отчетливых представлений о том, какое место можно будет счесть таковым. Завершающееся авторитарное правление в нашей стране не стало временем глубоких реформ, поскольку самым прискорбным образом сочеталось с отсутствием политической воли, что обусловлено крайне низким качеством элиты, если к ней вообще применимо это слово. «Элиты», у которой на Западе недвижимость и другие активы, а зачастую и семьи, которая совершенно потребительски относится к своей стране и не желает принимать ответственность за её историческую судьбу. Эта судьба едва ли будет благоприятной при продолжении односторонней ориентации на угасающий Запад, при полном нежелании искать свой ответ на вызовы времени. Только мощный китайский пример сможет встряхнуть наше посредственное руководство и заставить подражать другим образцам.

В соответствии с существующими экономическими воззрениями, Китай не достигнет такого могущества, как США, на которые в 1945 г. приходилась половина мирового валового продукта. Доля Китая достигнет максимума в 30% и будет сохраняться на этом уровне примерно 20 лет. Затем она начнет сокращаться в пользу Индии и стран Юго-Восточной Азии. Между тем развитие фундаментальной науки очень инерционно и Китай сможет занимать лидирующие позиции благодаря накопленной массе и эффективной государственной политике много дольше, чем два десятилетия. При этом экономическое и научное доминирование Китая, скорее всего, не совпадут по фазе — последнее начнется позднее и будет продолжаться дольше.

Важным фактором, который неизбежно скажется на отношениях между Западом и Россией, станет наступление второго глобального дезинтеграционного цикла. Представления о чередовании интеграционных и дезинтеграционных циклов в развитии мирового хозяйства развиваются в Институте географии РАН уже более трех десятилетий, сначала Б.Н. Зиминым (1929 — 1995), а затем Л.М. Синцеровым¹². Мировое хозяйство как целостность сложилось к середине XIX в. и его возникновение ознаменовалось первым мировым экономическим кризисом 1857 г. Соответственно первый глобальный интеграционный цикл продолжался с середины XIX в. до 1914 г. Это был *Pax Britannica*, интеграция вокруг Англии, сосредотачивавшей в середине XIX в. половину мирового промышленного производства. Сейчас уже трудно себе представить, что во времена *belle époque* (1870 — 1914) мир был во многих отношениях даже более интегрированным, чем ныне. Визы были изобретены только после Первой мировой войны, до этого их просто не существовало. Поражает размах трудовых миграций. На рубеже XIX — XX вв. США принимали до 1 млн. иммигрантов в год, что примерно соответствует нынешней иммиграционной квоте, только в 1900 г. население США составляло 76

¹²Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б.Н. Зимины / Сост. А.П. Горкин, Ю.Г. Липец. — М.: Альфа-М, 2003. — 176 с.; Синцеров Л.М. Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. — 2000. — № 5. — С. 56—64.

млн. жит., а не 313 млн., как сейчас. В начале XX в. до 200 тыс. итальянских сельскохозяйственных рабочих, закончив сезон у себя на родине, отправлялись работать в Аргентину, а по весне возвращались обратно. Если сейчас евроэнтузиасты гордятся тем, что в Европе впервые со времен Римской империи введена единая валюта, то в 1913 г. во всех цивилизованных странах, и даже в полудивицизованных, таких как Россия, существовал золотой стандарт. Разумеется, валютнообменные операции, как всегда, были сопряжены с транзакционными издержками, но волатильность обменных курсов и инфляция, по нынешним меркам, были просто пренебрежимо малы.

По окончании Первой мировой войны были предприняты многочисленные попытки восстановить тот порядок вещей, который представлялся людям, выросшим в мире, где процветала международная торговля, а совершить кругосветное путешествие можно было имея в качестве единственного удостоверения личности свою визитную карточку, естественным и разумным. К сожалению, их благородные устремления были заведомо обречены на провал в силу объективных причин, рассмотрение которых выходит за пределы этой статьи. Второй глобальный интеграционный цикл (*Pax Americana*) начался только после окончания Второй мировой войны и лишь к 70-м годам экспортная квота США достигла уровня 1913 г. Продолжался он примерно столько же, сколько и первый. Предвестником его завершения стал провал Дохийского раунда переговоров по ВТО. Экономическая интеграция России с ЕС в условиях нарастающего протекционизма будет затруднена, а стремление выйти на рынки высокотехнологичной продукции будет толкать Россию в направлении Китая, Индии и других стран третьего мира. В этом же направлении будет толкать Россию даже экспорт энергоносителей, потребление которых особенно быстро растет в Китае и других бурно развивающихся экономиках третьего мира. Европейский рынок уже сейчас, с точки зрения Газпрома, перенасыщен в результате поставок СПГ из стран Персидского залива. При этом газ может добываться из сланцев не только в США, что уже привело к переориентации потоков СПГ, но и в самой Западной Европе. Сейчас начался второй глобальный дезинтеграционный цикл, который предположительно будет продолжаться 15—20 лет, а завершением его станет *Pax Sinensis*. Скорее всего, он затем будет эволюционировать в «индо-китайский» мир.

Это в любом случае будет сопровождаться закатом демократии, поскольку и представления об Индии как о величайшей демократической державе очень сильно преувеличены¹³. Необходимо отметить, что главный враг западной демократии не снаружи, а внутри. Стремление все сделать прозрачным и понятным некомпетентному большинству, что стало прямым результатом восстания масс¹⁴, по редко вспоминаемому сейчас Х. Ортега-и-Гассету (1883 — 1955), неизбежно приводит к примитивизации, которая невероятно облегчает копирование. Утверждение материальной выгоды в качестве высшей ценности приводит к тому, что все продается. Трудно было бы сделать лучшие подарки Китаю: он все копирует или купит. Пройдет 10 — 15 лет, и Китай, который не делает поспешных шагов, поскольку знает, что время работает на него, но при этом продвигается очень быстро, потратит миллиарды долларов на покупку западных СМИ, или, как минимум, «золотых перьев», на гранты европейским и американским ученым. Не изменится ли после этого состояние общественного мнения на Западе? Будут ли там по-прежнему петь «старые песни о главном»: потеплении климата, устойчивом развитии, демократии, правах сексуальных меньшинств и т. п.? Более вероятно коренное изменение международной повестки дня в том мире, где все тверже будет звучать и голос Индии, несовпадение интересов которой со странами Запада уже приводило

¹³Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. — М: Ладомир, 2004. — 383 с.

¹⁴Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. — М.: Весь мир, 1997. — 704 с.

к провалу переговоров в рамках ВТО. На первый план выйдут вопросы развития, а не экологии, здравоохранения, а не прав человека, государственного суверенитета, а не международного гуманитарного сотрудничества. Если СССР без единого выстрела проиграл третью мировую войну, то Китай также без единого выстрела может выиграть четвертую и только для Индии реально составить ему какой-то противовес к середине столетия.

Отметим, что вопрос о закате (или глубокой трансформации) демократии в современном мире уже обсуждается весьма широко, причем совершенно безотносительно к вопросу о смене лидеров мирового развития. В этом смысле очень показательна статья¹⁵ такого «махрового реакционера», как С.А. Караганов, предложившего концепцию глубокой десталинизации нашей страны. Л.Н. Гумилёв смотрел дальше нас и видел глубже. Нам страшно не хватает его именно сейчас, когда стране предстоит сделать гигантский геополитический разворот, чтобы не остаться в лагере проигравших. Бог послал нашей стране для этого труднейшего маневра весьма посредственных капитанов, но нам он дал наследие Л.Н. Гумилёва — спорное, но исключительно ценное.

---

¹⁵Караганов С. Конвергенция наоборот // Ведомости. — 27.03.2012